

ВЕНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1980 г. и ГК РФ

Какова степень согласованности концепций института купли-продажи в Венской конвенции 1980 г. и Гражданском кодексе РФ, насколько близки подходы данных актов к регулированию указанных отношений?

В Гражданском кодексе РФ (далее — Кодекс) нашли прямое выражение произошедшие в стране коренные изменения в ее социально-экономическом и политическом строе. Это позволило в первой командной статье Кодекса отнести к основным началам гражданского законодательства России, наряду с равенством участников гражданских отношений, неприкосновенностью собственности, недопустимостью произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимостью беспрепятственного осуществления гражданских прав и их судебной защиты, также и важнейший принцип — свободу договора.

Вполне естественным был поэтому интерес, проявляемый к Конвенции как к международному акту, в котором указанный принцип получил наиболее полное и последовательное воплощение.

Речь шла не просто о воспроизведении отдельных норм Конвенции, а о восприятии ее руководящих положений.

Близость Кодекса к исходным положениям Конвенции можно проиллюстрировать на ряде примеров.

Правила толкования

В связи с возможной неполнотой или недостаточной ясностью отдельных условий заключенного договора, а нередко и самой его природы свою большую роль призваны сыграть правила, относящиеся к толкованию договоров. Стремясь максимально обеспечить интересы гражданского оборота, ст. 8 Конвенции закрепила приоритет волеизъявления лица по отношению к его воле. По этой причине она признает необходимым учитывать намерение одной стороны только тогда, когда другая сторона о них знала или не могла не знать. Такое же решение содержится и в ст. 431 Кодекса («Толкование договора»), которая под влиянием Конвенции сначала появилась в Основах гражданского законодательства 1991 г. (далее — Основы). В указанной статье предусмотрено, что при толковании договора надлежит принимать во внимание в первую очередь буквальное значение употребляемых в нем слов и выражений именно для того, чтобы лишь при обнаружившейся невозможности определить таким образом подлинное содержание договора и перейти к выяснению действительной воли сторон.

Заключение договора

Кодекс впервые столь подробно урегулировал и вопросы, связанные с заключением договора. При этом, как и Конвенция, Кодекс прежде всего включил норму, прямо признающую договор заключенным с момента, когда акцепт получен лицом, пославшим оферту. Можно указать и на то, что вслед за Конвенцией (п. 3 ст. 18) Кодекс счел возможным заключение договоров ранее не признаваемым им способом — путем совершения адресатом непременно письменной оферты конклюдентных действий-фактических действий, позволяющих судить о воле стороны.

Речь идет о предусмотренном п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 Кодекса случае, когда в качестве акцепта рассматривается совершение лицом, получившим письменную оферту, действий по исполнению указанных в ней условий договора (имеется в виду отгрузка товаров, выполнение работ, уплата суммы и т.п.). Так же как и Конвенция, Кодекс счел необходимым отвергнуть возможность считать акцептом молчание адресата оферты. Правда, в отличие от содержащегося в Конвенции безусловного отказа от признания молчания акцептом, Кодекс допускает такую возможность, если это вытекает из закона, обычая делового оборота или из прежних отношений сторон.

Кодекс все же по общему правилу устанавливает более жесткие по сравнению с Конвенцией требования к акцепту. Он признает акцептом только такой ответ на оферту, который можно считать безоговорочным. По этой причине ответ, содержащий дополнительные или отличные условия, не меняющие существенно условий оферты, который Конвенция рассматривает (п. 2 ст. 19) как акцепт, с точки зрения Кодекса должен считаться лишь встречной офертой.

Обычай

В российском праве традиционным было, по выражению крупнейшего дореволюционного ученого, проф. Г.Ф. Шершеневича, «неблагодарное отношение к обычаю». Под прямым влиянием Конвенции в действующем Кодексе изменилось отношение к обычаю. В результате (вслед за Основами) в Кодексе появилась статья 5, которая предусматривает, что обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности поведение, не предусмотренное законодательством. Приведенная норма совпадает в основном с тем пониманием применяемого обычая, из которого исходит в ст. 9 Конвенция.

Можно указать и на то, что Конвенция не содержит имеющихся в Кодексе указаний относительно места, занимаемого обычаями делового оборота. Имеется в виду, что они не должны противоречить закону и договору.

Все же ст. 9 Конвенции позволяет считать, что и в данном случае ее позиция соответствует той, которая выражена в Кодексе.

«Каучуковые» нормы

Одна из особенностей Конвенции состоит в весьма широком использовании «каучуковых норм», основанных на гибких понятиях, смысл которые может конкретизироваться судом при рассмотрении спора контрагентами. Особенно часто в Конвенции используются понятия «разумный человек», «разумный срок». Российское законодательство столь же традиционно отрицательно относилось к подобным нормам. Не случайно в нем до последнего времени речь шла главным образом о ссылке на «добросовестность» и то — в нормах, находящихся за пределами договорного права. Теперь в нем насчитывается более 70 ситуаций, при которых законодатель использует такого рода нормы, содержащие главным образом отсылки к «разумному», в различных вариантах.

Близость в этом смысле Кодекса к Конвенции можно подтвердить и тем, что в некоторых случаях в отдельных нормах содержится раскрытие определенных, понятий. Одно из них — «существенные недостатки». И Кодекс (п. 2 ст. 450), и Конвенция (ст. 25) признают существенными такие недостатки, которые влекут для другой стороны ущерб, вследствие которого она в значительной мере лишается того, на что вправе была рассчитывать. Правда, Конвенция выделяет еще один неперемный признак. Ни нарушившая договор сторона, ни любое другое разумное лицо, действовавшее в таком качестве, при аналогичных обстоятельствах подобное нарушение не предвидело бы. Этот признак в Кодексе отсутствует.

Ответственность

Теперь о вопросах, связанных с условием и размером ответственности за нарушение договора. Оба принятых после Конвенции акта — Основы и Кодекс отказались от имевшего место до сих пор распространения на предпринимательские отношения единого принципа: об ответственности стороны, нарушившей договор, только при доказанном наличии ее вины. Теперь п. 3 ст. 401 Кодекса предусматривает повышенную ответственность нарушителя договора. Для освобождения от ответственности ссылки на отсутствие своей вины недостаточно, необходимо доказать, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие чрезвычайных и непредотвратимых событий (непреодолимой силы). Сходная ссылка содержится и в п. 1 ст. 79 Конвенции.

К вопросу об убытках

И Кодекс, и Конвенция одинаково исходят из необходимости возмещения стороной, нарушившей договор, убытков в виде как реального ущерба, так и упущенной выгоды. В подтверждение сближения в этом Кодекса и Конвенции можно сослаться, например, на впервые включенную в Кодекс норму, посвященную исчислению убытков, вызванных прекращением договора. И Конвенция (ст. 75 и 76), и Кодекс (ст. 5240)¹ требуют подсчета убытков путем установления разницы между ценой в расторгнутом договоре и той, которая включена в совершенный взамен расторгнутого договора («конкретные убытки»). А если договор впоследствии не был заключен — между договором и тем, что как Конвенция, так и Кодекс в равной мере называют «текущей ценой на момент расторжения договора» («абстрактные убытки»).

*М.И. Брагинский,
глав. научн. сотрудник ИЗиСП
при Правительстве РФ,
арбитр МКАС при ТПП РФ,
заслуженный деятель науки РСФСР, д. ю. н., профессор*

Опубликовано в: Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли продажи товаров. К 10-летию ее применения Россией / Сост. М.Г. Розенберг. М. 2001. Стр. 14–17.

¹ Так в тексте.